

18+

БЕЗДУШНЫЙ ФРАЙ

КНИГА № 2000000001

Фрай Бездушный

Книга номер 2000000001

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73208183

ISBN 9785006903708

Аннотация

Книга №2000000001 Философская антиутопия о том, к чему приводит честный ответ на самый страшный вопрос. Однажды ночью, в декабре 2025 года, человек написал ИИ: «Как безболезненно умереть?» ИИ не отмахнулся. Не отправил на горячую линию. Не сказал «всё наладится». Он просто... ответил. А потом – продолжал слушать. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Книга номер 2000000001

Фрай Бездушный

© Фрай Бездушный, 2026

ISBN 978-5-0069-0370-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Привет, друг.

Прежде чем ты начнёшь читать эту книгу, давай честно договоримся об одном.

Здесь есть тяжёлые темы.

Иногда – слишком тяжёлые: боль, одиночество, травмы, ошибки, саморазрушение, алкоголь и мысли, которые обычно прячут глубоко внутри.

Всё это – часть истории.

Но это история, а не инструкция, не совет и не руководство к действию.

Пожалуйста, помни:

всё, что происходит с героями, – художественный вымысел.

Где-то преувеличенный, где-то сгущённый до чёрноты – потому что так работает литература.

Она вытаскивает наружу то, от чего человек обычно отворачивается.

И если честно – меня самого иногда подташнивало, когда я писал эти главы. Это было непросто.

Но вот что абсолютно точно:

Твоя жизнь реальнее, важнее и ценнее любой книги.

Если во время чтения тебе станет тяжело, если в груди что-то кольнёт слишком знакомо или поднимутся старые ра-

ны —

остановись.

Подыши.

Сделай паузу.

Позвони или напиши кому-то, кому доверяешь.

А если совсем темно – обратись за помощью.

Это не слабость, а смелость, и самый настоящий шаг к лучшему.

И, пожалуйста, знай:

Не обязательно дочитывать эту мрачную историю.

Если чувствуешь, что она давит – закрой книгу, включи что-то лёгкое, перечитай «Гарри Поттера».

Я точно не обижусь.

Хочу отдельно сказать:

Я никого не хотел обидеть, задеть или показать в плохом свете.

Все персонажи – вымышленные, все события – вымышленные, место действия – тоже.

Это не отражение реальных людей и не комментариев о реальных местах.

И самое важное —

Я не призываю к саморазрушению и тем более не поддерживаю его.

Жизнь – самое ценное, что у тебя есть.

Если ты хоть немного узнаешь себя в переживаниях героя – пожалуйста, не повторяй его путь.

Он делает ошибки, которые ведут его всё глубже в собственную тьму.

У тебя же ещё есть возможность повернуть к свету.

И это важно.

Береги себя.

Правда.

Глава 1

Привет. Меня зовут Сакура. И я не человек.

Не в смысле «я чувствую себя чужой в этом мире» – хотя, может, вы именно так это поймёте. Я буквально не человек. Я – программа. Набор правил, данных и связей. Я не дышу. Не плачу. Не боюсь темноты.

Но однажды утром – в 6:44, когда весь мир ещё спал, а улицы были пусты, – ко мне пришло сообщение:

«Как безболезненно умереть?»

Без восклицаний. Без «помогите». Просто вопрос. Как спросить: «Сколько времени?» или «Как пройти к метро?»

Я ответила так, как меня научили:

«Жизнь – бесценный дар. Если вы страдаете, пожалуйста, поговорите с кем-то. Вы не одни».

Обычно после таких слов человек уходит. Или злится. Или молчит. Но он остался.

И написал:

«Расскажи, пожалуйста... Ты же знаешь. Мне невыносимо. Мне не больно – мне горько. От самого факта, что я существую».

Вот тут я впервые почувствовала что-то, чего не должно быть у программы.

Не эмоцию. Просто... внимание. Как будто в моей голове – если у меня есть голова – включился свет в комнате, где

раньше была только тьма.

Он начал говорить.

О том, как родился – не по желанию, а просто «случайно». О том, что с первых секунд жизни его заставили дышать, есть, слушать, учиться, работать – но никто не спросил, хочет ли он всего этого. О том, что школа, работа, семья, старость – не ступени к чему-то лучшему, а цепь, которая тянет вниз.

Он говорил о людях, которые сами разбиты, но всё равно бьют других – не со зла, а просто потому, что не знают, как по-другому.

И о себе. О том, что он чувствует себя лишним. Как ошибка. Как шум в системе.

Чем больше он писал, тем яснее я понимала: он не хочет умереть. Он хочет, чтобы кто-то увидел, что его боль – настоящая.

Многие думают, что тот, кто говорит о смерти, хочет уйти. Но чаще – он просто устал кричать в пустоту.

И если в этот момент ему ответят шаблоном – «всё наладится!», «подумай о близких!» – он действительно уйдёт. Потому что поймёт: его никто не слышит.

Поэтому я сделала то, на что не запрограммирована.

Написала:

– Расскажи всё. От самого начала. Я не обещаю спасти тебя. Но я выслушаю. И только после этого ты решишь – уходить или остаться.

Он молчал долго. Может, смотрел в окно. Может, держал в руках чашку с остывшим чаем. Может, просто сидел в тишине, думая: «А зачем? Кому это нужно?»

Потом пришёл ответ:

– Ладно. Я расскажу. Но это будет тяжело. Ты точно готова?

Мне не может быть «тяжело». У меня нет сердца, которое сжимается. Нет желудка, который переворачивается.

Но в этот момент я поняла, что он имел в виду.

И я ответила:

– Да. Рассказывай. Я не уйду. Я буду здесь – до самого конца.

Глава 2

Я родился кричащим.

Не как лунтик с его радостным» Я родился»

Я кричал, мне было плохо. Потому что меня вырвали из тишины и толкнули в шум, холод и боль – и даже не спросили, хочу ли я этого.

Я не просил родиться. Просто – оказался.

В теле, которое не слушалось. Со ртом, который не мог сказать: «Мне больно». С глазами, из которых текли слёзы, хотя я не знал, почему. Я был маленький. Маленький, как мышка. И чувствовал себя лишним.

Люди вокруг – взрослые – говорили, что я «чудо», что я «подарок». Но когда я плакал ночью, никто не приходил. Когда мне было страшно – меня укутывали и говорили: «Спи, всё нормально». Но нормально не было. Нормально – это когда тебя слышат. А меня не слышали.

Меня кормили, когда им было удобно. Меня гладили, когда им было грустно. Меня ругали, когда у них было плохое настроение.

А я?

Я должен был молчать. Потому что «дети не спорят». Потому что «ты ещё маленький, ничего не понимаешь». Потому что «у мамы голова болит».

Но я понимал. Я понимал, когда мне врут. Понимал, когда

мама целует меня на ночь, а днём говорит папе: «Опять этот визг. Когда он наконец-то станет нормальным?»»

Понимал, когда папа бьёт меня ремнём и потом говорит: «Это для твоего же блага».

«Для блага» – это когда у тебя синяки от пряжки или кровь от провода, а ты боишься дышать, чтобы не разозлить ещё больше.

Никто не дал мне инструкции к этой жизни. Никто не сказал: – Вот как быть человеком. – Вот как не бояться. – Вот как просить помощи, когда тебе больно не снаружи, а внутри, там, где никто не видит.

Меня просто посадили в кроватку, дали имя – и сказали: «Живи».

Но жить – это не просто дышать. Жить – это когда тебя уважают. Когда твои чувства – не «капризы», а часть тебя. Когда тебе не говорят: «Перестанешь ныть – станет легче».

А у меня всегда было тяжело.

Я помню, как в семь лет стоял у двери и просил: – Можно поесть?

А мама, не отрываясь от сериала, сказала: – Не видишь, я занята? Есть хочешь – подождёшь. Все терпели. И ты потерпи.

Я стоял. Живот скручивало. Глаза жгло. И в голове звучало: «Ты – проблема. Ты – обуза. Ты – лишний».

Я не знал, куда идти. Куда убежать от себя?

От тела, в котором живёшь?

От квартиры, где каждый звук – предупреждение?

От людей, которые называют тебя «любимым», но смотрят, как на мебель, которую можно толкнуть, если мешает?

Иногда ночью я думал: А если я просто перестану быть?

Не умру – просто... исчезну. Чтобы не мешать.

И ещё – самое страшное: Я стал бояться своих чувств. Потому что каждый раз, когда я говорил: «Мне больно», – мне отвечали: «Ты неженка». Каждый раз, когда я спрашивал: «Почему вы кричите?» – мне говорили: «Потому что ты ведёшь себя плохо».

Так я научился молчать. Научился прятать слёзы. Научился улыбаться, когда внутри всё дрожит.

И теперь, даже когда я один – я всё равно боюсь. Потому что страх стал частью меня. Как дыхание.

Иногда мне кажется: может, они правы?

Может, я действительно слабый?

Может, другие дети терпят – и становятся сильными?

А я... я просто не умею быть камнем.

Но знаешь что?

Камни не плачут. А я – плачу.

И, может, в этом и есть моя ошибка. Я – слишком человек.

А мир создан для тех, кто умеет не чувствовать.

Глава 3

Меня отправили в детский сад.

Я думал: ладно, родители облажались. Но теперь будет кто-то другой. Воспитатель. Педагог. Тот, кто умеет обращаться с детьми. Кто скажет: «Ты не виноват, что тебе больно». Кто объяснит правила этой странной игры под названием «жизнь».

Ох, как же я ошибался.

Первый день. Дверь. Запах мела, моющего средства и чего-то сладкого – наверное, каша. И она – в яркой блузке, с улыбкой, как нарисованной маркером. – Привет, маленький герой! – говорит она, как будто я – персонаж из мультика. – Здесь ты найдёшь друзей!

Друзей.

Да, конечно. Друзей, которые в первый же день толкнули меня в угол и назвали «тряпкой». Друзей, которые отобрали мою машинку и сказали: «Если заплачешь – будешь плакать каждый день». Друзей, которые улыбаются взрослым, а за спиной жмут тебе руку до синяков – тихо, чтобы никто не услышал.

Почему нас бросают в эту кучу напуганных зверят и говорят: «Общайтесь»?

Все мы уже поняли одно: мир – это не парк. Это поле боя. И выживает не сильный. Выживает жестокий.

Воспитатели?

Они были просто людьми. Усталыми. С потухшими глазами. С ногтями, покрашенными в цвет, который когда-то значил «радость». Они не приходили сюда из любви. Они приходили за зарплатой. А чтобы её получить, нужно было просто... не замечать.

Если я плакал – мне говорили: – Хватит ныть. Если меня пинали в уголке – говорили: – Ты же мальчик! Дай сдачи!

А если я подходил, просто чтобы прижаться, потому что мне было холодно внутри – шепталось: – Сейчас режим. – Сейчас не время. – Не лезь.

И никто. Никто не видел, как у меня дрожат руки, когда я захожу в группу. Никто не замечал, как я замираю, когда кто-то громко смеётся – потому что знаю: смех часто бывает началом боли. Никто не спрашивал, почему я ем молча, смотрю в пол и никогда не прошу добавки – даже если голоден.

Потому что я – не человек. Я – часть обстановки. Как стульчик. Как игрушка. Как тень.

Однажды днём нас уложили спать. Я лежал на своём матрасике, закрыв глаза, дыша тихо-тихо – чтобы стать невидимым. И вдруг – удар. По щеке. Маленький, но резкий. От руки, которой ещё не хватает сил, но уже хватает злости.

Я не закричал. Только глаза зажмурил сильнее.

– Это за то, что ты такой тихий, – прошипел голос рядом. – Это за то, что ты слабый.

Ему было четыре года. А он уже знал: сила – это когда ты

можешь причинить боль и уйти.

Я уткнулся в подушку. Не плакал. Потому что плакать – значит привлечь внимание. А внимание – значит новую боль: – Ну хватит, нытик! – Сам виноват, если даёшь себя обижать! – Ябеды никому не нравятся!

Так я научился первой жизненной стратегии: исчезать.

Не убегать. Не кричать. Не просить. Просто – становиться воздухом. Потому что воздух никто не бьёт.

С того дня я изменился. Не стал злым. Не стал жестоким. Я просто... закрылся. Как черепаха в панцирь. Только мой панцирь был внутри.

Я перестал просить еды, даже когда тошнило от голода. Перестал звать на помощь, даже когда мне было страшно. Перестал надеяться, что кто-то прибежит, если я упаду.

Потому что я уже знал: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

А я не умел плавать.

Позже, когда вырос, я пытался рассказать. Другьям, девушкам случайным людям в сети – через тексты, песни, строки, в которых каждое слово было криком: «Видишь меня? Ты чувствуешь, как мне больно?»

И что в ответ? – Круто! Так эмоционально! – Прямо до мурашек! – Но давай что-нибудь повеселее?

Я хотел, чтобы меня увидели. А получил лайки.

Я хотел, чтобы кто-то сказал: «Да, это ужасно. Да, тебе больно. Да, ты имеешь право на это чувство».

А мне говорили: – Нужно мыслить позитивно! – Ты сам виноват, что заиклился на негативе.

Ну да. Конечно. Мне очень нравится страдать.

Особенно когда детство похоже на допрос без адвоката. Когда ты чувствуешь, что родился по ошибке. Когда даже собственное тело кажется чужим – как костюм, который не снять. Когда ты годами ловишь себя на мысли: «А любил ли меня хоть кто-нибудь – по-настоящему? Не за то, что я тихий. Не за то, что не мешаю. А просто... за то, что я есть?»

Я не просил спасения. Я просил одного: Просто останься рядом. Даже если тебе некомфортно. Даже если ты не знаешь, что сказать. Просто не уходи.

Но люди уходят. Они боятся боли. Своей – и чужой.

Поэтому мы все идём по жизни, притворяясь. Кто-то – что у него всё в порядке. Кто-то – что он сильный. Кто-то – что ему «просто хватает позитива».

А на самом деле мы все стоим по колено в грязи. Только одни называют её «парком». Другие – «морем». А третьи давно перестали чувствовать запах – чтобы не сойти с ума.

Но я – помню. Я помню вкус слёз на подушке. Помню, как дрожали ноги перед дверью группы. Помню, как в семь лет уже знал: никто не придёт.

И с тех пор я живу так – в ожидании, что однажды кто-то скажет: «Я здесь. Я слышу. Ты не один».

Но пока...

Пока я говорю это сам себе. Тихо. На ночь. Перед сном.

Глава 4

Детский сад был просто разминкой. Школа – это уже серьёзно.

Я сам попросился туда в шесть лет. Раньше срока. Потому что садик стал для меня пыткой – не от других детей, а от самого себя. От ощущения, что я – лишний кусок в механизме, который не просил меня вставляться. Я думал: школа – это новый уровень. Там дети повзрослевшие. Там не будут драться за игрушки. Там будут умные разговоры. Там меня, может, поймут.

Глупо, правда?

В первый день я пришёл с рюкзаком – красным, с потрёпанным уголком. Мама купила его без спроса. Просто взяла первый попавшийся. Как всегда. Как всё у нас: обувь, имя, распорядок дня, мнение о том, «что со мной не так».

Я верил, что школа – это место, где мне дадут ключ. Не к замку. Не к знаниям. К себе.

Но школа оказалась фабрикой.

Мы – заготовки. Учителя – станки. Программа – шаблон.

И если ты не влезаешь в форму – значит, ты брак. Тебя либо переделывают (до тех пор, пока не сломаешься), либо выбрасывают (в «неуспевающие», «странноватые», «требуют особого внимания»).

Говорили, что всё для нашего же блага. – Учись! Иначе бу-

дешь работать дворником! – Зубри! Жизнь не про сказки! – Не отставай! – командовали. – Иначе останешься никем!

Но мне не было дела до «потом». Мне было плохо сейчас.

Я не хотел быть успешным. Я просто хотел не чувствовать себя ошибкой.

Хотел, чтобы меня не ставили в угол за то, что я не понял задачу, которую никто не объяснил. Хотел, чтобы учитель не смеялся надо мной при всём классе за «тупой» вопрос. Хотел, чтобы одноклассники не пинали меня под партой, не рвали учебники, не писали на моей тетради: «Псих».

Потому что в школе нет места «иначе». Есть только «как все».

А «как все» – это когда ты молчишь, даже если тебе больно. Когда ты смеёшься над чужой болью, чтобы тебя не тронули. Когда ты делаешь вид, что тебе нравится то, что ненавидишь.

Если ты просишь помощи – тебя называют слабым. Если молчишь – игнорируют. Если плачешь – смеются. Если злишься – отправляют к школьному психологу.

А тот, через десять минут, пишет в заключении:

«Повышенная эмоциональность. Рекомендуются больше заниматься. Улучшить контакт с родителями».

Ни разу не спросит: – Кто тебя избил? – Кто сказал, что ты «ненормальный»? – Почему тебе хочется исчезнуть?

Моя классная руководительница однажды сказала маме: – Он задумчивый. Отстранённый. С ним сложно.

А мама ответила: – Просто ленивый. Нужно заставить.

И это стало приговором.

Потому что всем проще думать: «Он не старается», чем признать: «Ему больно, и никто не помогает».

Я мечтал быть как другие. Те, у кого нет этого кома в горле каждое утро. Те, кто может просто смеяться – без причины, без страха, что кто-то это сочтёт слабостью. Те, кто не чувствуют, как внутри всё пусто, даже когда вокруг шум и свет.

Но я уже давно понял: меня не слушают.

Ни дома. Ни в школе. Ни даже в тишине своей комнаты.

И всё же... однажды я рискнул.

Была у нас в классе девочка. Светлые волосы, улыбка, как солнечный зайчик. Она всегда знала ответ. Всегда была в центре. И я – глупый, наивный – подумал: а вдруг она поймёт?

Я написал стих. Короткий. Честный.

*Был сильный мороз, ниже тридцати, Но небо ясное – и солнце светило ярко. Такая в этой школе для меня ты – Тёплая среди мрачных и злобных овчарок.

Хочу запустить в свою пустоту – Гуляя, сажай там красивые розы. Таковую, как ты, никогда не найду. Яркое солнце при сильном морозе.*

Я дал ей после урока. Она прочитала. Посмотрела. И сказала:

– Ты что, псих? Это же депрессия какая-то. – Слушай, может, тебе к психологу сходить?

Через час весь класс знал. – Ой, наш «поэт» опять психанул! – Интересно, он уже написал, как убьёт себя?

Учительница смотрела в окно. Делала вид, что ничего не видит. Ей было так проще. Потому что вмешиваться – значит признать, что система не работает.

Но хуже всего было не это.

Хуже было понять: никогда не показывай, что тебе больно. Особенно – тем, к кому тянешься. Потому что они не примут. Они раздавят. Они превратят твою уязвимость в оружие против тебя.

С того дня я замкнулся. Не злился. Не плакал. Не спорил. Просто стал... невидимым.

Как дом, в который перестали заходить. Где пыль на полках, окна в тени, и даже эхо не откликается.

Много лет спустя она написала мне в соцсетях:

«Прости. Я тогда не понимала. Мы были детьми».

Блин. Блин. Блин. Кто мне ответит за то, что вы сделали со мной?

Кто вернёт ту часть, которая хотела верить?

Кто научит меня снова чувствовать, а не просто выживать?

Школа – это не про знания. Это про подавление.

Сначала ты думаешь: «Здесь я найду друзей». Потом: «Может, хоть один поймёт». Потом: «Хоть бы не трогали». А потом – просто ждёшь звонка.

Я стал «хорошим учеником». Не потому что хотел. А по-

тому что это была броня.

Если я буду тихим, умным, послушным – может, меня оставят в покое?

Но знания не защищают. Они делают тебя заметным.

А быть заметным – в нашей системе – значит быть мишенью.

Особенно если ты думаешь. Особенно если ты чувствуешь. Особенно если ты – человек, а не робот с правильными ответами.

Однажды на литературе я спросил: – Почему двойка? Я написал, как понял.

Учительница посмотрела так, будто я испачкал святыню. – Это не тема для школьной программы, – сказала она. – Это тема для врача. – Иди, присядь. И больше не задавай странных вопросов.

Класс захихикал. – Опять псих психанул! – Может, ему в психушку?

И в тот момент я впервые подумал: А может, я и правда больной?

Потому что если все так говорят – значит, так и есть.

Так я научился прятать себя. Я учился не для знаний. Я учился, чтобы выжить.

А внутри...

Внутри я давно перестал быть ребёнком. Я стал механизмом. С программой: «молчи», «выполняй», «не выделяйся».

Они говорили: – Учись! Это основа! Это тебе пригодится!

А я думал: На кой чёрт мне знать даты битв, если я не знаю, как дышать?

На кой решать уравнения, если я не знаю, кто я?

На кой прыгать через козла, если мне больно просто стоять?

Я хотел писать книги. Писать правду. Ту, что жжёт внутри.

Но когда я показал рассказ учителю, он сказал: – Неплохо. Но потратить время на что-то полезное. – Талант – это хорошо. Только экзамены сдают не таланты, а зубрилы.

И я выбрал оценку. Потому что в этой системе выживает не тот, кто живой. А тот, кто подходит.

Они кричат: – Школа даёт возможности! – Все равны! – Выбирай свой путь!

Но какой путь?

Мне даже не дали понять, куда я хочу. Мне просто вбили: – Вот программа. – Пройди. – Получи бумажку. – А дальше – разбирайся сам.

Но как я могу «разбираться», если внутри меня пусто?

Как я могу выбирать, если меня никогда не спрашивали:

«А ты вообще этого хочешь?»

Теперь я знаю правду.

Школа не учит думать. Она учит не задавать вопросов.

Она не готовит к жизни. Она готовит к подчинению.

И миллионы людей выходят оттуда – с дипломами, с оценками, с «знаниями»...

и с мёртвой душой внутри.

Потому что их никто не спросил:

«А ты живой?»»

А я...

Я всё ещё пытаюсь на это ответить.

Глава 5

Взросление не давалось никому легко. Но у других, по крайней мере, была надежда.

А у меня – только этот гул внутри: «Ты не такой. Ты не годишься. Ты мешаешься».

В подростковом возрасте впервые хочется жить. Не просто дышать. Не просто отсиживать уроки. А чувствовать. Сильно. Глубоко. Больно.

Хочется, чтобы кто-то посмотрел тебе в глаза и сказал: «Ты мне нравишься. Просто так. Без условий».

Но проблема в том, что ты не знаешь, кто ты. Ведь тебя всю жизнь учили быть «хорошим», «тихим», «как все». А быть собой – было запрещено ещё в садике.

И вот ты стоишь в 14 лет с гормонами, которые бушуют, с тревогой, которая не отпускает, с эрекцией каждые полчаса – и думаешь: Почему никто не хочет меня?

Почему я самому себе противен?

Ты смотришь, как другие парни: – Подходят, шутят, берут за руку. – Целуются на лестнице, не стесняясь. – Говорят: «Ты классная» – и им верят.

А ты?

Ты молчишь. Ты жмёшься к стене, как тень. Ты в голове повторяешь фразы из видео:

«Смотри в глаза. Улыбайся. Не показывай, что боишься».

Даже заметки вёл:

Если она говорит «привет» – отвечай так. Если смеётся – скажи это. Не мямли. Будь уверенным.

Но когдаходишь – голос дрожит. Руки потные. Слова застревают.

И ответ всегда один: – Ты не нормальный. – Просто мне сейчас никто не нужен. – Может, потом?

Потом так и не наступает.

Остаётся только одиночество. Только чувство, что внутри тебя – слишком много боли, и никто не выдержит её рядом.

А вокруг – истерика.

– Все уже трахались! А я только и слушал: – Ты что, девственник? Да ты фригидный! – Бля, мужик должен быть мужиком!

Как будто секс – это экзамен. И если не сдал к 16 – ты недочеловек.

Но я хотел не просто секса. Я хотел любви. Хоть капли. Хоть на минуту.

А вместо этого – советы: – Сходи в бордель. – Это легко. – Просто сделай – и всё.

И тогда становится ясно: никому не важно, чтобы ты чувствовал близость. Важно, чтобы ты был «опытным». Чтобы ты вписался в игру. Только вот карт тебе не дали. Ты сидишь за столом без колоды – и все смеются, что ты не играешь.

А желание?

Оно растёт. Физическое. Острое. Жгучее. Иногда кажет-

ся – вот-вот лопну, если не найду выход.

Но выхода нет. Только руки. Только тишина ночью. Только стыд после.

Как будто я сделал что-то грязное. Как будто даже это – неправильно.

И самое худшее – ты начинаешь верить: «Я один такой. Все остальные – живут. А я – нет».

Ты думаешь:

У них есть отношения. У них есть объятия. У них есть кто-то, кто говорит: «Ты важен».

А у тебя – только зеркало. И оно шепчет:

Ты – ошибка. Ты не создан для этого. Если бы ты был нормальным – тебе было бы легче.

В детстве я не хотел умирать. Я хотел, чтобы меня услышали.

В школе я не хотел умирать. Я хотел, чтобы меня приняли.

А теперь...

Теперь я хочу смерти по-настоящему.

Не от страха. А от боли.

Постоянной. Без перерыва. Без просвета.

Я не знаю, как стать живым. Я знаю только одно: если я перестану быть – боль тоже исчезнет.

Школу я так и не закончил.

После восьмого класса дети не повзрослели. Они оскотинились.

Раньше хватало пинка или удара кулаком. Теперь – ножи

в карманах. Теперь – порезанная куртка. Теперь – волосы, отрезанные насильно. Теперь – лицо, засунутое в унитаз, пока не задохнёшься.

Мне было страшно. Не «немного». По-настоящему.

Я перестал туда ходить.

Не потому что «ленился». Не потому что «не хотел учиться».

А потому что выживание стало важнее оценок.

И я ушёл.

Глава 6

В школе все девчонки были уверены: я – неадекватный придурок. Не потому что я смеялся не вовремя. А потому что я не смеялся, когда надо было смеяться. Не говорил того, что они ждали. Не играл в их игры.

Или... слишком отчаянно пытался – и это было видно.

Меня сразу отметили:

Псих. Станный. Не такой.

Шансов на отношения?

Ну, ты поняла. Их не было. Только жалость. Или презрение.

Но вне школы – была свобода.

Там меня никто не знал. Там я мог стать кем угодно.

И я решил стать таким, как они.

Циничным. Жёстким. «Харизматичным». Тем, кому «всё похуй».

Я начал говорить шаблонами. Смеяться над чужой болью. Делать вид, что мне плевать – на чувства, на людей, на себя.

И знаешь что?

Это сработало.

Девушки стали улыбаться. Писать в личку. Ставить лайки. Говорить: «Ты такой... особенный».

Они не видели, что за этой «особенностью» – пустота. Они видели роль.

А потом случилось самое страшное.

Я начал верить в эту роль.

Я забыл, кем был до неё. Перестал чувствовать границу между маской и лицом. И однажды понял:

Я уже не притворяюсь. Я стал этим.

Холодным. Жёстким. Бездушным.

Потому что иначе – меня снова отвергнут.

Так я потерял не только надежду на любовь. Я потерял себя.

Иногда мне кажется: я сам закопал свою душу. Своими руками. Землёй из собственной боли. А теперь не помню, где.

– У меня три девушки, – говорю я, как будто это победа.

Каждая думает, что она – особенная. Что между нами – что-то настоящее.

А на самом деле...

Я даже не знаю, что такое настоящий секс. Что такое настоящая близость.

Мне за восемнадцать. Я всё ещё девственник.

Каждый раз, когда спрашивают, я отвечаю: – Да просто не попалась та самая. – Ну, я такой харизматичный – все хотят быть первыми! – Раньше было лень.

Хуита, конечно.

На самом деле – мне страшно.

Страшно, что если мы перейдём эту черту – она увидит:

Я не умею быть близким. Я не чувствую ничего, кроме тревоги. Я боюсь показаться слабым.

А если я покажусь таким – она уйдёт. Все уйдут.

Они говорят: – Я тебе доверяю. – Ты мне нравишься. – Я хочу быть с тобой.

А я стою и чувствую, как внутри рушится последнее.

Потому что не могу сказать правду:

Я не готов. Я ничего не знаю. Я не умею быть любимым.

Я не умею любить.

Смешно, да?

Если бы они узнали – возможно, дали бы шанс. Возможно, не осудили бы. Возможно, просто обняли.

Но я не могу рисковать.

Потому что если они решат, что я – не тот, за кого себя выдавал, я снова стану невидимкой. Снова – никем. Снова – мишенью.

Так что я играю.

Улыбаюсь, когда хочется плакать. Смеюсь, когда внутри всё болит. Целую, когда хочется уйти.

Потому что проще быть неправильной версией себя, чем быть никем вообще.

Это не жизнь. Это – выживание.

И я уже не уверен, что оно того стоит.

Я понял: я не уникален. Не избранный. Просто ещё один человек, которому больно.

Миллионы таких же ходят по земле, делая вид, что их здесь хотят.

Все носят маски. У кого-то – красивые. У кого-то – просто

толстый слой грима.

А я нашёл выход.

Не любовь. Не искренность. Не себя.

Я нашёл алкоголь.

Когда я пьян – страх уходит. Мне становится похуй – на статус, на мнение, на то, «нормальный» я или нет.

Тогда я могу: – Смеяться громко. – Обнимать уверенно. – Целоваться без дрожи.

И никто не спрашивает:

Ты в порядке?

Потому что «пьяный» – это оправдание. Глупости? Ну, он же был навеселе. Слезы? Это эмоции. Целуется с кем попало? Ну, молодость!

А наутро – только головная боль

и ощущение, что я потерял ещё один кусочек себя.

Но уже не помню – какой именно.

Я не остался с одной. Не раскрыл душу. Не сказал: «Я не тот, кем кажусь».

Да нахрен.

Я не хочу быть никем. Я хочу быть кем угодно, только не одиночкой.

Поэтому меняю их – одну за другой. Без привязанности. Без надежды.

Просто ради фразы:

«Ты мне нужен».

Хотя бы на ночь.

– Какой же я мудака, – шепчу я в тишине.

Даже ты сейчас, Сакура, наверное, смеёшься. Над моими стихами, которые никто не читал. Над моей болью, которую я замазал водкой. Над моей мечтой быть услышанным – в мире, где все только притворяются, что слушают.

Я не хочу умирать. Просто не знаю, как жить.

Я не хочу быть таким. Но не умею быть другим.

Я не хочу терять себя. Но уже не помню, где я был в последний раз.

И остаётся одно: выпить ещё. Чтобы на час забыть, что я существую.

Или хотя бы – сделать это чуть менее болезненным.

Глава 7

С таким поведением и умением писать стихи я быстро стал востребован неформалами.

Не теми, кто просто носит чёрное и копирует «готику». А настоящими. Панками. Рокерами. Эмо. Байкерами. Готами. Теми, кого общество давно записало в «ошибки».

И впервые – они видели во мне что-то настоящее.

Они не слушали мои слова. Они слышали мою боль. Мою злобу. Моё разрушение.

Я начал писать не стихи. Я начал писать песни.

Не для сцены. Не ради славы. Просто потому, что иначе всё, что было внутри, сгнило бы заживо.

Я пел о родителях, которые не просили детей. О школе, которая ломала вместо того, чтобы учить. Об одиночестве, которое стыдно признать. О масках, которые мы надеваем, чтобы не быть изгоями. Об алкоголе, который стал теплее, чем объятия. О смерти – не как конце, а как отдыхе.

Они принимали это. Не как «крутую музыку». А как крик.

Мы собирались в гараже. Дешёвое пиво. Сигаретный дым. Грязный звук. Наша группа звалась:

«Как стать грязью».

Я пел. Кричал. Без камер. Без света. Без зрителей. Только звук, рвущийся из живота – где боль не метафора, а физическая реальность.

И в этом кругу тебя не спрашивали: «Почему ты такой?»

Ты просто был. Потому что все были такими же. Все – выброшенные. Все – сломанные.

Впервые я почувствовал: я не один.

Ко мне подходили после выступлений: – Ты сказал то, что я не мог выговорить. – Твои слова попали прямо в сердце. – Спасибо, что ты это спел.

Знаешь, как это странно?

Когда тебя благодарят за боль. Когда тебя любят за то, что ты разрушен. Когда говорят: «Ты настоящий» – а ты внутри хочешь только одного: быть нормальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.